

Радость и боль, смех и слезы Фестиваль христианских театров

Светлана Журавлева

С 25 по 28 января 2016 г. в Москве в Христианском культурном центре «Встреча» в рамках [дней памяти протоиерея Александра Меня](#) проходил фестиваль христианских театров «Мир Христов».

В течение четырех дней театральные коллективы, принадлежащие к разным христианским общинам, делились с гостями фестиваля своим творчеством, своим взглядом — на мир, сотворенный Богом, и на человека: на величие человеческого духа и на трагические противоречия между красотой Божьего замысла и всей болью и несовершенством, которые человек может принести в этот мир.

Памятные дни, посвященные о. Александру, были начаты с фестиваля искусств не случайно: для отца Александра Меня творчество, искусство было очень важной составляющей человеческой жизни и ни в коем случае не противоречило христианской вере. В своей книге «Истоки религии» он писал: «Искусство родилось как культовое, наука и философия возникли как попытка осмыслить религиозный взгляд на мир». Отец Александр также обращался к людям искусства: «Вы выносите людям сокровища своего сердца, ваше восприятие мира. Вы делитесь с ними. Это ваш диалог с людьми. Вы творите новый мир, в который приглашаете других. И в этом мире все обнажено: ваша душа обнажена со всеми ее страданиями, со всеми ее недостатками и радостями».

Представленные спектакли рассказывали о трагических событиях XX века, а также среди них была притча, события которой невозможно отнести к конкретному земному времени и месту.

За четыре дня зрители могли пережить радость и пронзительную боль от увиденного, смех и слезы; в этих четырех историях переплеталось великое и малое, серьезное и несерьезное, и, пожалуй, главный мотив — это жизнь отдельно взятого человека со всеми ее радостями и горестями на фоне грандиозных и трагических событий (будь то революция и гражданская война в России, сталинский террор 1930-х годов, Холокост или Всемирный потоп).

В первый день фестиваля был показан спектакль [«Кадиш»](#) Духовного театра «Слово» по произведениям А. Галича, Б. Брехта, Я. Парандовского; режиссер — Марина Перельман. Основной темой спектакля, собственно, и давшей ему название, стала поэма Александра Галича «Кадиш». Две другие истории — эпизод «Жена-еврейка» из пьесы Бертольда Брехта «Страх и нищета в Третьей

империи» и рассказ Яна Парандовского «Треблинка, ville d'eau (Город на воде)» органично вплетаются в главную тему, создавая единую ткань спектакля.

Через конкретную историческую ситуацию — одну из величайших катастроф XX века — рассматривается более глубокая тема: о достоинстве человека как образа и подобия Божия, не зависящем ни от каких природных данных; о том, что происходит, когда люди берут на себя функцию суда: кто достоин жизни, а кто является «лишним» в этом мире; и о тех, кто оказался перед лицом этой опасности, этой надвигающейся лавины зла, казалось бы, не оставляющей выбора. Герои спектакля как бы находятся на разном расстоянии от этой лавины. И их выбор тоже разный: одни не верят в свою трагическую участь, когда она уже решена, — и тем самым

«Кадриш»

упускают дарованный им шанс на спасение. Другие, как героиня эпизода «Жена-еврейка», все понимают и пытаются активно действовать, чтобы и свою жизнь спасти, и облегчить участь близкого человека (она покидает мужа еще и потому, что с женой-еврейкой он рискует стать изгоем в обществе, потерять работу, а, возможно, и жизненно необходимую медицинскую помощь). Кто-то, как муж этой героини, тоже вроде бы все понимает, но пытается себя обмануть словами «это не надолго» — хотя они оба, в общем, понимают, что надолго. Она уезжает в Амстердам в 1935 г. — и как же хочется верить, что трезвый взгляд на вещи, активная жизненная позиция и просто везение помогут героине вовремя покинуть и эту страну — мы-то сегодня знаем, что через пять лет Нидерланды были оккупированы немцами, и там началось все то же самое, от чего героиня бежит из своего родного города — по пьесе Брехта это Франкфурт.

Вспоминается история другой героини, также родившейся во Франкфурте-на-Майне и так же бежавшей в Амстердам вместе со своими родными от той же самой беды. История, трагический финал которой известен — в отличие от открытого финала пьесы Брехта. Речь идет об Анне Франк. В свое время в доме-музее Анны Франк в Амстердаме меня поразила цитата из ее дневника, крупно написанная на стене: «Когда-нибудь эта ужасная война кончится, и мы станем обычными людьми, а не только евреями». Эти слова написаны Анной в апреле 1944 г. До конца «этой ужасной войны» оставалось чуть больше года. До освобождения Нидерландов — почти столько же. До раскрытия Убежища и ареста всех его обитателей — чуть больше трех месяцев. До конца жизни Анны — меньше года.

И вот этот взгляд *изнутри войны* пронзил совершенно. Потому что сегодня война подошла совсем близко, иногда она — буквально «через одно рукопожатие». Чьи-то родные, друзья, земляки точно также оказались *внутри войны*, и живут тем же, что и более полувека назад — «Когда-нибудь эта ужасная война кончится». Но и те, кто находятся далеко от обстрелов и бомбежек, тоже оказываются *внутри* — потому что они сердцем связаны с теми, кто остался там.

К 1944 г. большая часть войны уже была позади; ее исход, в общем, был уже всем понятен; обитатели амстердамского Убежища слушали независимое радио и представляли себе ситуацию на

фронтах. Но они не могли предвидеть будущее, в том числе и свое. Они жили надеждой, хотя не исключали любой исход.

В 1935-м же надвигающаяся опасность лишь маячила грозной тенью на горизонте. Думаящему человеку уже была понятна бесчеловечная суть нового режима, но размах грядущей Катастрофы тогда не мог себе представить, наверное, никто — человеческий разум не способен вместить подобное.

Да, по историческим меркам прошло не слишком много времени, но мир 1935-го года и мир 45-го — отличаются друг от друга разительно. Даже те, кому посчастливилось перейти через этот исторический рубеж, сохранив свою жизнь, оказались совершенно в другом мире.

И даже «простое», на первый взгляд, решение проблемы — взять и уехать, конечно же, вовсе не простое. Герои эпизода «Жена-еврейка» понимают, что возможно, они расстанутся навсегда. Вспоминается евангельское «один возьмется, другой останется».

Но в спектакле «Кадиш» рассказывается и о тех, чья судьба уже решена, и у кого, казалось бы, нет никакого выбора. Обитатели варшавского Дома сирот приговорены к отправке в лагерь смерти; они не могут сопротивляться врагу с оружием в руках и не могут даже убежать. Но оказывается, что и смерть можно встретить по-разному. Освобождение предлагается только их воспитателю, Янушу Корчаку, но он предпочитает до конца остаться со своими подопечными.

Как остается и Петр Залевский, бывший гренадер, инвалид войны, служивший сторожем в «Доме сирот» и убитый польскими полицаями во дворе осенью 1942 г.

Они спросили: «Ты поляк?»

И он сказал: «Поляк».

Они спросили: «Как же так?»

И он сказал: «Вот так».

«Но ты ж, культяпый, хочешь жить,

Зачем же, черт возьми,

Ты в гетто нянчишься, как жид,

С жидовскими детьми?!

(...)

Пойми, — сказали, — Польша там!»

А он ответил: «Здесь!

И здесь она и там она,

Она везде одна —

Моя несчастная страна,

Прекрасная страна».

(...)

И прежде, чем пришли покой

И сон, и тишина,

Он помахать успел рукой

Глядевшим из окна.

«Кадиш»

В спектакле очень простыми средствами передаются глубочайшие и серьезнейшие вещи. Собственно, основным изобразительным средством остаются слова произведений, по которым создан спектакль. И задачей режиссера здесь было помочь зрителю войти в это пространство, как бы достроить и дополнить его, сделать объемным — что, на мой взгляд, создателям спектакля однозначно удалось. Актеры в обычной, нейтральной одежде, зал практически без декораций — буквально через несколько минут спектакля все это словно растворяется в словах и музыке (к слову — замечательно выстраивающей спектакль, помогающей погрузиться в то время, а еще и танец — как способ выразить невыразимое). И вот перед зрителем предстает то пустеющая квартира разлучаемой семьи, то бедный двор Дома сирот, то... вокзальная площадь и поезд. Поезд — как один из основных символов спектакля, присутствующий во всех трех эпизодах, и словно пронизывающий их. Поезд, увозящий героев к свободе и жизни или к неминуемой смерти. Но даже этот последний путь может стать путем в *вечность*, и, в конечном итоге — к победе над смертью.

Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай,
(...)
И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой —
Пламенем на знамени зеленом —
Клевер, клевер, клевер золотой.

В руках актеров — бумажные кораблики. «А еще жила в "Доме сирот" девочка Нятя. После тяжелой болезни она не могла ходить, но она очень хорошо рисовала и сочиняла песенки». Одна из них — «Песенка девочки Нати про кораблик»:

«Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге...»

Но разве может бумажный кораблик противостоять кованым сапогам?

«Сгинул мой кораблик.
Не в грозном отблеске,
В буре, урагане —

Попросту при обыске
Смяли сапогами...»

Однако Господь не случайно говорит своему апостолу: «...сила Моя совершается в немощи» (2 Кор 12:5).

«Но когда забулькают
ручейки весенние,
В облаках приветственно
протрубит журавль,
К солнечному берегу,
к острову Спасения
Чей-то обязательно
доплывет корабль!»

Спектакль театра «Слово» дарит эту надежду.

«У ковчега в восемь»

На второй день фестиваля был показан спектакль театра «Левитикон» по пьесе [«У ковчега в восемь»](#). Режиссер — Савва Старковский.

Пьеса написана в 2006 г. немецким актером, режиссером и драматургом Ульрихом Хубом. Когда одно из издательств предложило пяти театрам создать спектакли для детей на тему «Религия», Хуб вновь перечитал Библию, и история о Ноевом Ковчеге подтолкнула его к остроумному рассуждению на серьезные темы.

Хотя спектакль заявлен как детский, он интересен далеко не только детям! Искрометный юмор, порой довольно «взрослые» ассоциации, эмоциональный накал действия — не оставляют равнодушными зрителей самых разных возрастов.

Под названием «детский спектакль» скорее сокрыт несколько иной жанр, известный с древнейших времен — это *притча*, о чем и говорил режиссер спектакля С. Старковский на церемонии награждения участников фестиваля: «Христос проповедовал притчами. Он говорил про каких-то барашков, про каких-то овец, про десять дев... Вроде, хочется Ему сказать: "Иисус, давай прямым текстом", а он нет — все загадками.

И тоже самое: можно поставить Чехова, Толстого, Экзюпери — дать такую притчу, чтобы человек сам открыл что-то для себя, потому что когда зритель сам разгадывает загадки, он становится просветленным... светлым».

Подруги-пингвины, героини спектакля, постоянно ссорящиеся из-за мелочей, оказываются перед лицом наступающей катастрофы. Голубь им приносит сообщение: Бог устал от вечной вражды людей и

животных и решил обрушить на землю потоп. Бог, в Которого подруги то ли верят, то ли не верят, Сам попускает эту катастрофу, но может и провести через нее. Его служитель, Голубь — помощник в этом пути — тоже по-своему несовершенен... Что окажется важнее — правила, вроде бы незыблемые и предложенные Самим Богом через Его служителя, или дружба, милосердие и сострадание? Можно ли кого-то объявить «лишним» — даже если это как бы требование Божие?

В том же 2006 г. эта пьеса Ульриха Хуба была признана лучшей в Германии. Тогда же по пьесе был создан радиоспектакль, а в 2008 г. — книга по мотивам пьесы, и как пьеса, так и книга были удостоены различных призов.

На третий день фестиваля, 27 января, гостями Христианского культурного центра «Встреча» были преподаватели и учащиеся Владимирской православной гимназии памяти свт. Афанасия (Сахарова), вместе с создателем и директором гимназии, священником Алексием Головченко. Был представлен урок-спектакль [«На свете смерти нет»](#), посвященный жизненному пути и подвигу святителя Афанасия (Сахарова). Автор и режиссер — о. Алексей Головченко.

Сама владимирская гимназия — место уникальное. Ее директор, о. Алексей Головченко, клирик Успенского кафедрального собора города Владимира, киносценарист и поэт — вдохновитель многочисленных проектов, которыми живет гимназия. Для о. Алексия важно, чтобы ученики не просто узнавали ту или иную информацию, но *проживали* все изучаемое. Под руководством своего директора учащиеся гимназии создают удивительные миссионерские проекты — они выходят на улицы и площади города и знакомят жителей с жизнью и творчеством А. Солженицына, Б. Пастернака, О. Мандельштама и других выдающихся людей.

В своем вступительном слове перед началом спектакля о. Алексей сказал: «То, что вы сейчас увидите, — театром, собственно, не является, и, более того, целью нашей не было создавать театр. (...) Мы стараемся сделать так, чтобы наши постановки имели цель не кого-то повеселить, порадовать, и не то, чтобы они были визитной карточкой нашей гимназии, (...) но прежде всего для того, чтобы дети смогли сами окунуться в тот мир, о котором они говорят.

Наша гимназия носит имя святителя Афанасия (Сахарова) — вот за моей спиной его портрет, — он прославлен в лике исповедников и новомучеников Российских, — а, следовательно, мы не можем не касаться этой темы. (...) В этом году мы работали очень плотно с именем Сергея Иосифовича Фуделя, (...) а он является соратником, сотрудником, духовным чадом святителя Афанасия — и к этой теме мы подготовили, реанимировали наш старинный... я его называю "урок-спектакль" — потому что все-таки это не спектакль, для меня важно первое слово».

Пространство урока-спектакля создается письмами святителя Афанасия, стихами О. Мандельштама, А. Тарковского, А. Твардовского, а также отрывками из протоколов допросов святителя и другими свидетельствами той эпохи. На одном полюсе — сухие, казенные слова следственных

«На свете смерти нет»

документов, а также резкие, как выстрелы, проклятия в адрес «изменников и шпионов», которых нужно «расстрелять как поганых псов», несущиеся из репродуктора-«тарелки». Бравурные звуки марша на этом фоне кажутся зловещими. А на другом полюсе — простые человеческие слова святителя и его матери; а также глубочайшие поэтические строки, завершающие эту картину.

«Я человек, я посредине мира,
За мною — мириады инфузорий,
Передо мною мириады звезд.
Я между ними лег во весь свой рост —
Два берега связующее море,
Два космоса соединивший мост.
Я Нестор, летописец мезозоя,
Времен грядущих я Иеремия.
Держа в руках часы и календарь,
Я в будущее втянут, как Россия...»

— эти строки Арсения Тарковского очень точно обрисовывают призвание самого святителя Афанасия.

Поразительны слова святителя из его письма, адресованного матери: «А вот я смотрю сейчас на заключенных за дело Христово епископов и пресвитеров, слышу о православных пастырях, в других тюрьмах находящихся, какое спокойствие и благодушие у всех. <...> А тюрьмы нам нечего бояться. Здесь лучше, чем на свободе, это я не преувеличивая говорю. Здесь истинная Православная Церковь. Мы здесь как бы взяты в изолятор во время эпидемии. Правда, некоторые стеснения испытываем.

Но — а сколько у Вас скорбей. <...> Постоянное ожидание приглашения в гости, куда не хочется. <...> Попробуй тут устоять. А мы от всего этого почти гарантированы».

Серые, уродливые телогрейки, в которые одеты юные актеры, в ходе спектакля сменяются такими же простыми белыми одеждами — то ли больничными рубашками, то ли ангельскими одеяниями.

Хочется верить, что дети, прожив такой опыт изнутри, и в своей взрослой жизни смогут отличить истину от фальши, не соблазняются сказками о «прекрасной жизни в могучем СССР», а также почувствуют, что такое настоящее исповедничество и какой ценой давалось нашим старшим братьям и сестрам во Христе следование за Ним.

В последний день фестиваля был показан спектакль театра «Арт-Гнездо» [«Ночь печальна»](#) по произведениям И. Бунина и С. Рахманинова. Режиссер — Алексей Злобин.

Моноспектакль в исполнении Ирины Евдокимовой включал в себя отрывки из «Окаянных дней» Бунина, его рассказы «В одной знакомой улице», «Кавказ» и некоторые стихотворения. Также звучали произведения Рахманинова «Элегия», «Итальянская полька», романсы «Сирень», «Сон», «Ночь печальна» (который и дал название спектаклю) и другие.

«Ночь печальна»

...Мирная жизнь со своими радостями и печалью прерывается вихрем трагических событий. Революция. Смерть. Кровь. Человеческая жизнь не стоит ничего. Светлые образы недавнего прошлого разлетаются, как листы бумаги, брошенные на пол в полутемном зале, и остаются только в воспоминаниях. «Ночь печальна, как мечты мои. Далеко, в глухой степи широкой огонек мерцает одинокий... В сердце много грусти и любви» (И. Бунин). Ночь изгнания, ночь разлуки с Родиной.

— Не собираетесь ли Вы возвращаться? — спросили И. Бунина.

— Тех, кого я любил, уже нет, — ответил он.

В спектакле сплетаются в единый рисунок тексты Бунина и мелодии Рахманинова; удивительный голос Ирины Евдокимовой проникает в самое сердце, ее актерский дар оживотворяет картины недавнего прошлого, такого близкого и одновременно бесконечно далекого.

После того, как в зале зажегся свет, хотелось еще побыть в тишине, чтобы не расплескать впечатления от увиденного, услышанного и прожитого.

Завершился фестиваль награждением его участников, проходившим 29 января в Доме Композиторов, в ходе [торжественного вечера](#), который предварял конференцию «Значение трудов прот. Александра Меня в наши дни».

Фотографии Светланы Журавлевой